

Я СЛУЧАЙНО СТАНОВЛЮСЬ МУЗЫКАНТОМ

Пришла весна 1966 года, и у нас родилась дочь Юля. Всеми домашними делами занималась жена, а я много работал, пытался заниматься. В мае месяце, когда закончилась школа, сел плотно за рояль. Ничего у меня, как мне казалось, путного не получалось, и я решил, что пойду сдавать документы в Ленинградский университет на литературный факультет. Иду по Невскому и, опять же случайно, встречаю своего друга армейского Гришу — сына профессора Михаила Григорьевича Симкина, врача-психиатра и блестящего кларнетиста-джазмена (он умер недавно в Америке), трясущего перед его носом документами, а он мне и говорит: «Ты что, с ума сошел? Ты же музыкант». Я пошёл в консерваторию и меня взяли!

Я был удивлен намного больше, чем моя жена, отчим, мама, бабушка и бабушка, но чудо свершилось — ура! На экзамене я сыграл симфонию из партиты Баха с-moll, Сонату № 13 си-бемоль мажор Моцарта, «Охоту» Листа и любимый Первый концерт Прокофьева. Помню, что комиссия до конца все не слушала, и что дольше всего слушали концерт. Когда я вышел из аудитории, за мной последовала высокая представительная женщина, которая мне его аккомпанировала, и тихо сказала: «У меня есть место в классе». Я кивнул и подумал, что никогда не пойду к музыканту, который так плохо играет на рояле. Эта женщина оказалась ведущим профессором Татьяной Николаевной Кравченко, которая тогда преподавала в нашей консерватории.

Что ещё было интересного при поступлении, кроме того, что я получил «четыре с плюсом» за сольную программу и «пять» за игру с листа и собеседование? Была ещё самостоятельная работа, на приготовление которой давали сорок минут в классе наедине с нотами. А вопросы на собеседовании были такие: что такое синхрофазотрон, кто ваши

любимые художники. Я сделал небольшой доклад об импрессионистах, которых уже тогда знал и любил: Клоде Моне и Эдгаре Дега, Огюсте Ренуаре и Эдуарде Мане, Поле Сезанне и, конечно, Константине Коровине. Мне было всё равно, кто меня возьмёт в свой класс, ибо Флавий Соколов фортепиано уже не преподавал, а выполнял обязанности заместителя ректора по науке и занимался научной деятельностью. Я решил, что если я к кому-то попрошусь, и если преподаватель мне не откажет, то я уже свяжу себя обязательствами перед ним. Осенью перед началом занятий ко мне подошёл молодой аккуратный человек в очках, который наблюдал за мной всё время, пока я ходил сдавать экзамены. Он представился как Василий Алексеевич Калмыков и предложил мне зачислиться в его класс. Я сразу согласился, решив, что, осмотревшись, смогу потом принять любое решение. Его имя мне ничего не говорило, и мне казалось, что после армии я вряд ли смогу попасть без всякой поддержки к известному педагогу. Но всё получилось как нельзя лучше, и это знакомство повлияло на всю мою последующую жизнь.

Василий Алексеевич оказался высокоэрудированным человеком, имевшим почти что фундаментальные знания чуть ли не во всех областях. Высшую математику он, по его словам, изучал сам только для того, чтобы знать, что это такое. Особенно увлекался Индией и знал все религии, хотя был христианином. Он закончил консерваторию у профессора Надежды Иосифовны Голубовской, аспирантуру — у Павла Алексеевича Серебрякова. Василий Алексеевич занимался со студентами увлеченно и подолгу. Он умел добиться нужного результата, поэтому урок иногда длился два-три часа. Благодаря нашему усердию, я сдавал на отлично все экзамены по фортепиано и получил две премии: вторую на конкурсе советской музыки и первую на конкурсе Кл. Дебюсси. Будучи студентом третьего курса, я играл от-

бор на Всероссийский конкурс, который фактически был отборочным для конкурса им. П. И. Чайковского, однако по ряду причин мне не удалось на него пройти.

После поступления в консерваторию меня пригласили преподавать специальное фортепиано в мою любимую школу имени Ленина, и я ушёл из «Астории». Я также много работал на радио с оркестром им. Андреева и с эстрадно-симфоническим оркестром Ленинградского (впоследствии Петербургского) радио. Но основным моим делом были, конечно, занятия на фортепиано. За время учёбы меня несколько раз приглашали к себе в классы очень именитые профессора, но мне было интересно заниматься с Калмыковым, и я быстро рос как музыкант. И потом, я ни разу в жизни никого не предавал. Как и многие другие, я мог изменить свою фамилию для карьерного роста на мамину (Крылова) или быть усыновлённым отчимом и стать Валерием Евгеньевичем Мурченко. Будучи студентом третьего курса консерватории, я прошёл тарификационную комиссию на художественном совете филармонического отдела Ленконцерта, то есть сыграл и получил свои первые концертные государственные ставки. Меня записали в журнал организации и начали нанимать в разовых концертах как солиста, артиста камерного ансамбля и аккомпаниатора. В то время можно было выйти на сцену без этой процедуры, но такой выход оплачивался как неаттестованному музыканту, да и непристижно было не иметь ставки. Так и началась моя профессиональная музыкальная деятельность как пианиста-исполнителя.

Концертов было много, и я много занимался: учил сольные произведения, прочитывал дома с листа уйму вокальной литературы, отмечал в сборнике произведения, часто встречающиеся на концертах, чтобы быть готовым ко всяким неожиданностям. В 1972 году я получил диплом

за лучший аккомпанемент на Первом Всероссийском конкурсе народных инструментов. Аккомпанировал я домристу Вячеславу Круглову. Эту победу можно было упоминать на афише, что нравилось администраторам. Диплом был получен в трудной борьбе, ибо пианистов было много, а дипломов дали всего шесть. Начались регулярные гастроли с Кругловым (ныне народным артистом России, профессором института им. Гнесиных в Москве).

В этом же году я познакомился с Константином Александровичем Багрениным, моим другом по сей день. Мы встретились на репетиции одного из ансамблей, в котором меня пригласили поиграть, и сразу почувствовали общность взглядов. Я ничего не знал о его композиторской деятельности, и для меня он был просто очень хорошим инструменталистом. Однажды он вдруг произнес: «Что ты здесь делаешь? Шёл бы ты куда-нибудь!» Я обиделся, но виду не показал. А при следующей встрече спросил его: «Неужели я так плохо играю?» Ответ был следующий: «Ты слишком хорошо играешь». По истечении некоторого времени Костя попросил меня показать его музыку, написанную для кукольного театра, музыкальному редактору детского отдела Ленконцерта. Тема эта была мне близка: в 1968–1970 годы я заведовал музыкальной частью Большого театра кукол. В 1977–1978 годах он пригласил меня поехать вместе с ним в Москву, где я должен был выполнять обязанности выпускающего, то есть сидеть рядом со звукорежиссёром, который записывает оркестр и определяет, стоит ли оставить сделанную запись или нужно попросить дирижера сыграть ещё раз. Константин Александрович всегда был очень скромным человеком, поэтому, вероятно, и решил доверить мне свою музыку. Мне было легко выполнить его просьбу, так как я имел большой опыт работы с исполнителями на русских народных инструментах (в частности с Кругловым)

и пианистом в оркестре Ленинградского радио им. Андреева. Сделать надо было всё чисто и тактично, что и получилось. А за пультом Национального академического оркестра народных инструментов имени Н. П. Осипова стоял народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии РФ профессор Николай Иванович Калинин.

Тогда же я познакомился с ценителем и большим знатоком музыки Багренина Евгением Илюшиным, который в те годы был главным редактором агентства «Звук» и до сих пор прикладывает много усилий для знакомства публики с его творчеством. По воспоминаниям Илюшина, однажды в Москве, в Доме композиторов, после успешного концерта Оркестра имени Н. П. Осипова к руководителю этого прославленного коллектива подошёл Николай Павлович Будашкин, всем известный композитор, признанный мэтр русской музыки. После слов благодарности за игру оркестра он сказал, что из всех произведений, прозвучавших в концерте, ему больше всего понравилась «Поэма» Константина Багренина и, попросив Осипова обратить на это имя особое внимание, добавил: «Это произведение написал талантливый и именно русский композитор». С тех пор прошло сорок лет. Всё это время произведения Багренина многократно исполнялись, записывались и публиковались музыкальными издательствами*.

Постепенно я узнавал всё больше музыки, написанной моим другом, и у нас возникла идея о создании сольного концерта из его произведений. К этой программе я привлёк знакомых мне наиболее даровитых артистов. Открывал её ансамбль под руководством великолепного знатока русской музыки, баяниста Анатолия Соловьёва. Он обработал

* *Афанасьева А.* Методические комментарии. — *Багренин К. А.* В разных жанрах. СПб.: Композитор • Санкт-Петербург, 2022.